

Вот почему сегодняшнее празднование освобождения нацистских лагерей смерти имеет столь большое значение. Важно, чтобы этот день памяти отмечался в Организации Объединенных Наций, позволяя тем самым вновь и вновь обращаться к международному сообществу, с тем чтобы закрепить те достижения, которых человечество добились за последние 60 лет, и обеспечить, чтобы подобные зверства и трагедии никогда не повторились. Сегодня нам очень ярко напомнили о необходимости напрячь все силы для более решительной борьбы с расизмом, ксенофобией и антисемитизмом. К этим проявлениям зла всегда следует относиться очень серьезно.

Для всех нас этот день должен стать возможностью вспомнить и задуматься, хорошей возможностью обдумать тоталитаризм и его трагические последствия, общественные узы и ценности человеческой солидарности, пути обеспечения того, чтобы навсегда восторжествовали демократия, законность и уважение основополагающих прав и свобод всех людей.

Председатель (*говорит по-французски*): Следующий оратор — глава делегации Аргентины Его Превосходительство г-н Сесар Майораль.

Г-н Майораль (Аргентина) (*говорит по-испански*): Прежде всего я хочу сказать, что с этим заявлением должен был выступать министр иностранных дел Рафаэль Бьельса, который не смог присутствовать здесь по независящим от него причинам.

Г-н Председатель, в Вашем лице я благодарю Генерального секретаря и воздаю ему должное за созыв этой специальной сессии в ознаменование шестидесятой годовщины освобождения нацистских концентрационных лагерей.

Память расставляет все по местам. Память идет вслед за истиной, отставая на несколько шагов и проявляя всегда большее терпение, чем даже те, кого вспоминают или для кого познание истины не всегда является главной задачей. Память подчиняется другим законам. Она разглаживает круги на воде; она естественна только тогда, когда вызывает искренние личные воспоминания в раздумье о Суде, который вынесет суждение о прошлом и будущем.

Шестьдесят лет тому назад, 27 января 1945 года, передовые части Красной армии натолкнулись

на концентрационный лагерь в Аушвице. Там они обнаружили несколько тысяч уцелевших людей, которые были оставлены нацистами, поскольку они не могли ходить. Еще бушевала война, и тех узников, которые еще могли работать, в середине января перевели в другие лагеря, построив в колонны, которые стали известны как «марши смертников».

По просьбе русского начальника перевалочного лагеря в Катовице Примо Леви — главный летописец Аушвица и холокоста — вместе со своим другом Леонардо Дебенедетти составляет книгу знаний о смерти — своего рода приложение системы Тейлора к истреблению людей. Она легла в основу их «Доклада о гигиенических и санитарных условиях в концентрационном лагере для евреев в Моновице (Аушвиц, Верхняя Силезия)».

Это бюрократическое название не может скрыть паники; научный стиль письма не может подавить крик ужаса: истина вскоре придаст смысл словам. Леви и Дебенедетти разъяснили, что по прибытии в Моновиц — концентрационный лагерь, предназначенный для крупномасштабного производства синтетической резины, — узников направляли в дезинфекционный блок, где их головы обривали наголо. Затем их направляли в душевую, где держали взаперти до следующего утра.

Эти изможденные, голодные, мучимые жаждой, истощенные мужчины, насмерть напуганные увиденным и полные волнений за свое будущее и за судьбу своих близких, с которыми они были грубо разлучены лишь несколько часов назад, терзаемые мрачными, трагическими предчувствиями, были вынуждены стоять всю ночь в воде. В шесть часов утра их обработали гигиеническим раствором и заставили принять теплый душ. Они еще не успели обсохнуть, как их сразу же заставили перейти в другой блок, при этом они шли босиком по снегу.

Леви и Дебенедетти объясняют значение слова «чистота» в лагере: любой впервые входящий в барак и мельком оглядывающий это помещение, не мог заметить, что в его стенах, балках, в углублениях для нар жили тысячи клопов и блох, которые не давали узникам спать.

Однако память всегда идет рука об руку с правдой. Она заставляет ее двигаться вперед; она не дает ей блуждать, не позволяя ей терять свой голос и не давая ей замолчать навеки.

К сентябрю 1944 года большая часть Франции была освобождена. Однако при этом были еще более 2 миллионов «пропавших», как назвал их министр Анри Френей: военнопленных и, в значительно меньшем количестве, депортированных лиц, которые участвовали в Соппротивлении, или «расовых», как в то время называли евреев.

Хорхе Виделе — руководителю государственного переворота 1976 года, который опустошил мою страну, — также очень нравилось играть словами. Когда один журналист спросил его о том, что он мог бы сказать по поводу тысяч похищенных людей, о которых начинают говорить за границей, он ответил, что эти люди не живы и не мертвы; они просто «исчезли». Позднее мы с ужасом узнали, сколько людей в нашей стране исчезли.

Только в связи с судом над Эйхманом в 1961 году — Нюрнбергским процессом еврейского народа, как его назвал Бен-Гурион, — правда о геноциде начала завоевывать общественное мнение, а затем и общественное сознание. Даже когда память толкают в какую-то одну сторону, она приспосабливается к истине.

Однако в это время в средствах массовой информации Аушвиц еще не означал «окончательное решение». В 1967 году во время открытия памятника в Аушвице премьер-министр Польши Сиранкевич — сам узник лагеря — говорил об убитых славянах, поляках и других народах из всех стран Европы, однако совершенно не упомянул евреев. На здании французского павильона в Аушвице, открытого в 1978 году, написано: «Страданиям и сопротивлению французского народа посвящается».

16 июля 1995 года Жак Ширак произнес определяющие слова, сказав, что Франция находится в неоплатном долгу перед теми, кто не вернулся из Аушвица. 27 января этого года — в шестидесятую годовщину освобождения российской армией лагеря уничтожения в Аушвице — президент Ширак откроет новую экспозицию во французском павильоне, центральными темами которой в рамках проводимого ныне анализа по вопросу «Вторая мировая война: память и правда» являются ответственность режима Виши и роль Аушвица в Шоа.

Желание помнить определяет нашу судьбу. В начале нацистской оккупации Франции Беатрис де Рейнах совершала каждое утро конные прогулки по Булонскому лесу вместе с немецкими офицерами.

Она была дочерью последнего из династии Камондо — графа Моиса де Камондо — последнего представителя известной семьи левантинских банкиров, которые поселились во Франции в конце периода Второй империи. Она была сестрой Ниссима де Камондо — героя первой мировой войны, который погиб за Францию в 1917 году. Будучи больше израильянской, чем еврейской, и будучи защищенной тенью своего брата-мученика, эта самоуверенная женщина гарцевала на лошади, скрывая под одеждой желтую звезду, которую ее обязывал носить еврейский статут. Возможно, она надеялась на то, что, в случае необходимости, ей на помощь придет маршал Петен и выдаст ей сертификат «почетного арийца», который мог бы спасти многих других заслуженных евреев. В последние недели 1942 года она была арестована за ношение желтой звезды. В 1943 году она была интернирована в лагерь в Дранси. В ноябре она была депортирована в Аушвиц. Когда этот лагерь был освобожден в 1945 году, ее не было среди тех, кто остался в живых.

Память, воля и правда объединились 27 января 2005 года, в день 60-десятой годовщины обнаружения Аушвица.

В одном очень глубоком афоризме Кафка говорит о прошлом и будущем как о соперниках настоящего. В самом начале настоящее, говорит Кафка, подвергается неустанному преследованию со стороны прошлого, борясь при этом с будущим, которое препятствует его продвижению вперед. Но дело не просто в том, что речь идет о двух соперниках — прошлом и будущем — речь идет также и о самом настоящем. Ибо кто в действительности знает намерения настоящего? Как бы там ни было, настоящее мечтает о том, что в один прекрасный день, когда мы меньше всего этого ждем, когда ночь темна как никогда, внезапно оно сделает шаг вперед, с линии огня, и на основе собственного боевого опыта возьмет на себя роль судьбы, который может принимать решение в отношении двух соперников, прошлого и будущего. Этот день наступил. Этот день — сегодня.

Председатель (*говорит по-французски*): Я предоставляю слово руководителю делегации Бенина Его Превосходительству г-ну Жоэлю Адеши.

Г-н Адеши (Бенин) (*говорит по-французски*): Мы присоединяемся к заявлению, сделанному